

Анна Николаевна, пенсионерка с пятилетним стажем, любила путешествовать в своём далёком детстве, особенно, когда о нём совсем не случайно думалось. Возможно, тогда-то, в туманно-счастливой дали, всё и началось. Хотя детство в своей возвышенной невинности совсем не виновато, а наоборот, оно-то своим малопонятным романтическим представлением о жизни многое, что случилось потом, и объясняло, и оправдывало. В памяти прежде всего возникали широко распахнутые мамины глаза — она только что вернулась домой после заводской смены, зверски уставшая, занятая готовкой ужина, а тут ещё приставучая Анюта с глупыми вопросами, да не знаешь ведь, как ответить. «Мамочка! — тянет за фартук Анюта. — Скажи честно: откуда люди берутся? Только не говори «находят в капусте», и про аиста не надо! Мне девочки всё-всё рассказали». Рядышком стоял младший брат Сашка, шмыгал носом и подхихиковал. Маме — хоть стой, хоть падай — надо что-то отвечать, она и говорит: «Ну, если девочки рассказали... Конечно, от любви». — «Это как? — допытывается Анюта. — От какой ещё любви?» — «А ты, Анюточка, никогда о любви не слышала?» — «Слышала. Но как это понять? Люди-то рождаются от женщин!» — Анюта пытливо наблюдает за мамиными глазами: отведёт в сторону или не отведёт? Нет, не отвела, значит, говорит правду... «Что же непонятного? — удивляется мама. — Мужчина и женщина любят друг друга, обнимают друг друга, целуются... Разве никогда не видела?» — «Видела, — соглашается Анюта. — А как же, например... появилась я?» Мама не отмахнулась, сразу и отвела: «Мы с твоим папой обнимались, целовались... Вот ты и появилась на свет! Если не веришь, спроси у папы, он скоро придёт». — «Теперь понятно, — раздумчиво говорит Анюта и морщит лоб. — Значит, непорочное зачатие...» — «Ну да, непорочное, — соглашается мама. — Мы с папой так любили друг друга, что ничего не замечали». — «А порочная — это соседская Клавка!» — «Нельзя так о взрослых! — рассердилась мама. — Она для тебя тётя Клава, и не тебе рассуждать, какая она...» Анюта недовольно хмыкнула — всегда вот так, толком не объяснят и сразу в ругань... Нет уж, Анюта знает, что такое непорочность — это чистота во всём, честность и чистота. Люди так любят друг друга, что ничего вокруг не замечают, и человек рождается тихо-тихо, чисто и незаметно...

Но самое памятное путешествие в чистоту, в оглушительную непорочность у Анюты состоялось позже, когда она из школьной библиотеки принесла домой удивительную книжку — сказку Аксакова «Аленький цветочек». Прочитала и ахнула: слабенькая девочка, младшая дочь купца, не испугалась страшного чудища с громовым пугающим голосом, и даже полюбила его за ум и необыкновенную доброту. «Вот где настоящая чистота!» — восторженно думала Анюта и даже не предполагала, что вспомнит об этой сказке через десяток лет по воле жизненных обстоятельств. Анюта в ту пору заканчивала десятый класс и, как все её род-

весницы, день и ночь думала о своём будущем. И думать почему-то было так невыносимо, так жутко, хоть из дома беги на край света. Девчонки привнесли в класс книжку поэта Бориса Корнилова и стали пронзительно читать:

*В Нижнем Новгороде с откоса
Чайки падают на пески...
Все девчонки гуляют без спроса
И совсем погибают с тоски...*

Да, именно так — ты чайка и неотвратимо падаешь, долго, мучительно долго падаешь на пески... Пески, хоть и сыпучие, но совсем не мягкие, удариться о них головой не дай Бог никому... Однажды Анюта не выдержала тягостных мыслей — ярким днём, когда все были на работе, кинулась в родительскую комнату, где в уголке на тумбочке стояла иконочка Николая Угодника, стала искренне, громко, чуть не плача, просить спаси от чёрной пустоты и сотворить чудо... Даже не поверилось: в этот же день к вечеру всё изменилось, непонятное будущее засветилось яркими огнями! Казалось бы, всё очень просто: случайно на глаза попалась газета «Волжская коммуна» — она лежала почти под столом, за которым вчера отец щедро, с весёлой выпивкой, встречался с друзьями, кто-то из них, из Куйбышева, и уронил... Анюта подняла газету и заметила напечатанные густым неровным столбиком стихи, а над ними — небольшую статью об авторе. Оказывается, стихи сочинил Алексей Миронов, молодой человек с трудной судьбой. Живёт он в Куйбышеве, сирота, инвалид, за ним ухаживает тётя... Алексей, как настоящий герой, не поддался болезни и сумел закончить школу, теперь он студент-заочник пединститута... Алексей страстно влюблён в поэзию и мечтает встретить хорошего, верного друга на всю жизнь...

Анюта прочитала стихи и порадовалась: душа у Алексея открыта, чистая, он откровенный романтик и мечтатель... Не получается ли, по велению судьбы, что Алексей обратился с предложением дружбы (и даже любви!) лично к Анюте! Но это же здорово, Анюта готова и дружить, и любить! В ней, она теперь не сомневалась, пробудилось чувство, заставляющее возвыщенно думать и, главное, решительно действовать!.. Анюта сразу же побежала на почту, купила конверты с марками и здесь же, за стойкой, написала письма в пединститут и в газету — пожалуйста, сообщите условия приёма и домашний адрес Алексея Миронова. А за ужином торжественно объявила: поеду учиться в Куйбышев! Мама испуганно удивилась: «Так далеко! Учиться можно и у нас...» Отец, спасибо ему, поддержал: «Это на Волге, совсем рядом! Пусть посмотрит на мир!» Сашка, теперь полноправный труженик завода, засмеялся: «Так уж тебя и приняли!» — «Примут! — гордо заверила Анюта. — Никуда не денутся».

Пять дней — как пять лет, ожидание неимоверное. О чём только не раздумывала Анюта, какие только картинки не рисовались... Она живо представила себе и Алексея, пусть не красивого, но до того симпатичного и умного, всем красавцам на зависть. Ради такого человека пойдёшь на всё, на любые тяготы. А что за тяготы? Привыкнуть можно и к чудищу, как в «Аленьком цветочке», всем сердцем полюбить за ум и доброту! Неужели всё это, думала Анюта, произойдёт в Куйбышеве?.. Неужели институт ответит?.. Неужели пришлют так необходимый ей адрес?.. Весь этот тревожно-возвышенный сумбур ожидания и закончился через пять дней, когда первым отозвался институт («Приезжайте! Вот вам программа!»), и почти сразу письмо из газеты («Вот вам домашний адрес!»). Анюта прыгала от счастья, не забывая заглядывать в комнату родителей и благодарить святого Николая Угодника словами и поклонами.

Анюте очень хотелось плыть до Куйбышева на теплоходе, но из-за количества суток пришлось отказаться, поездом всего пятнадцать часов, да несравненно дешевле... Билет, наконец, куплен, вещички уложены в

чемодан, можно трогаться в путь-дорогу. Заботливая мама проводила до самого вокзала и даже, не сумев спрятать слезу, помогла подняться в душный вагон поезда, идущего из Москвы. А когда состав тронулся и — тук-тук-тук, тук-тук-тук — ритмично заговорили колёса, получила постельное бельё, устроилась у окна и осмотрелась. Кто-то направляется в вагон-ресторан, кто-то раскладывает на столике припасённую еду, заказывает у проводника чай, кто-то на полке отдыхает... Аньота перевела глаза на огромный оконный экран — столько живописных картин, столько ярких впечатлений!.. «А ведь это экзотика! — радовалась она. — Если рассказать впечатлительному Алексею, он непременно заинтересуется... И может быть, сам захочет своими глазами увидеть и написать стихи! Разве такое путешествие невозможno? Существует транспорт, инвалидная коляска, было бы только желание, вдвоём можно одолеть всё, что угодно! А уж у неё хватит сил покатать любимого человека по полям, по лугам, по красивейшим просёлочным дорогам... Конечно, в мечтах своих она забежала далеко, сначала нужно поступить в институт, всё остальное потом... «Поверь, Алексей, это всё возможно, — повторяла про себя счастливая Аньота. — Я не видела тебя! Но если б ты знал, как я тебя люблю!»

Можно рассказывать подробно и долго о том, как Аньота, приехав в Куйбышев, путалась в поисках учебного корпуса и оформляла документы, как устроилась в общежитии с Ириной, жизнерадостной краснощёкой девушки из Ярославля, как вместе они отправились изучать город... Об Алексее она не забывала ни на минуту, но сразу не кинулась по желанному адресу, считая, что, сдерживая себя, поступает правильно. Она настроилась на это ещё в поезде. Это не предательство по отношению к Алексею, убеждала себя она, а жизненная необходимость. Вот сдам экзамены, стану студенткой — тогда и встретимся! Ирину в свои личные дела она не посвящала, хотя Ирина достойна самой тайной откровенности — она же поделилась своей бедой — убежала от слишком назойливого ухажёра...

Начались по-настоящему трудовые, напряжённые до изнеможения дни подготовки к экзаменам, результаты которых каждый узнаёт в конце трудного пути. Настойчивых и терпеливых, не сломившихся ночами над учебниками, как известно, судьба вознаграждает небывалым чувством победы и желанием жить. Аньота, увидев свою фамилию в числе зачисленных на педагогический факультет, наконец-то, сказала: «Мой час пробил!» Порадовалась за Ирину — молодчина! Её тоже, на законных основаниях, приняли! Ура! Но открыть бутылку шампанского Аньота попросила потом, предупредив удивлённую подругу: «Вернусь поздно! Потом расскажу». Прихватив газету со стихами Алексея, она отправилась в город.

Пятиэтажку в грязноватом микрорайоне нашла сразу. А вот войти в подъезд и позвонить в квартиру на первом этаже решалась мучительно долго, даже разок вышла из подъезда вдохнуть свежего воздуха. Непослушный палец Аньоты, наконец, коснулся кнопки звонка. Стала ждать, но никто не выходил. Придавила кнопку ещё и ещё. Поняла, что звонок не работает, легонько постучала. Щёлкнул замок, и в распахнутом дверном проёме появилась пожилая женщина в строгом чёрном платье и тёмно-синем головном платке, повязанном на затылке. Карие глаза сверкнули любопытством, губы зашевелились в улыбке, женщина спросила: «Вы, наверное, к Алёшеньке?» — «Да, — собираясь с духом, ответила Аньота. — Я к Алексею Миронову». Она протянула женщине газету: «Я хочу с Алексеем познакомиться... и стать хорошим, близким другом!» — Зачем она добавила последнюю фразу (ведь это так преждевременно), понять не могла. Женщина на газету даже не взглянула, цепко взяла Аньоту за руку, повела за собой. «Я тётя Алёшеньки, зовут меня Мария Фёдоровна, — остановившись, представилась она. — Да ты проходи, проходи!.. Тебя-то как величать?» — «Аня». — «Идём, Анечка, идём! Алексея

шенька как обрадуется! — Она громко, как будто закричала, произнесла: «Алёшенька, к тебе Анечка пришла! Уж такая красавица, уж такая умница! Всё о себе сама и расскажет».

Вслед за тётушкой, так Анюта назвала про себя Марию Фёдоровну, она неуверенно, боком прошла в соседнюю комнату и сразу увидела Алексея. Он лежал на диване и пристально, с застывшей на лице улыбкой, смотрел на Анюту. «Здравствуй, красавица!» — с трудом, запинаясь, произнёс он, и его симпатичное лицо исказилось. — Как тебя зовут? Алексей повернулся набок, и всё его тело задёргалось в конвульсиях. Тётушка бросилась к дивану, стараясь удержать взметнувшиеся руки и не дать Алексею упасть на пол. «Успокойся, Алёшенька, не переживай так, — ласково попросила она. — Анечка сядет рядом, и вы душевно поговорите. А пока поздоровайтесь, познакомьтесь как следует. — Она поймала Алёшину ладонь и вложила в неё Анютину ладошку. — Так вот начинается дружба, да и более близкие отношения! Алексей долго не отпускал Анютины пальчики. Тётушка, наконец, придвинула стул и руки разъединила. Анюта ни жива, ни мертва села напротив парня, сочувственно размышая — ведь Алексей в своих недугах совсем не виноват... Да, так и должно быть, говорила она себе, алеинский цветочек просто так не даётся. Нужно терпеть и привыкать, терпеть и привыкать... Алексей стал говорить, с понятным трудом, — какие предметы изучает в институте, что читает... Анюта тоже рассказала о себе, о своём далёком доме на Волге, о заводе, на котором работают родители и брат... Алексей вдруг её прервал и пылко признался: «Я тебя люблю! Я давно ждал твоего прихода... Ты веришь?» — «Конечно, верю, — тихо ответила Анюта. — Поэтому и приехала...» Тётушка откровенно прислушивалась к их разговору, сутилась возле стола, готовясь к обеду. Она зорко посматривала на Анюту и, похоже, была необыкновенно довольна. Когда пересели за стол, Алексей старался сдерживать свои непроизвольные движения, но у него получалось плохо. Зато он хорошо читал новые, только что написанные стихи и опять объяснялся в большой любви. Анюта отвечала, что постараётся его тоже полюбить, а пока (в этом она окончательно утвердились) нужно учиться. Ведь она тоже, как и Алексей, студентка. Вот закончит институт, тогда и любовь созреет. Тётушка похвалила за стремление к учёбе, но и пожурила: если приходят чувства, откладывать на потом нельзя — кто знает, что может случиться! В этом мире постоянно совершаются зло, и нужно ловить момент, чтобы не упустить жизненную удачу...

Проговорили до позднего вечера, все были необычайно довольны, и когда Анюта собралась вернуться в общежитие, тётушка мягко распоряжалась: «Если ты, Анечка, по-настоящему заинтересована в Алёшеньке, должна остаться. Ему только придаст здоровья! Смотри, сколько у нас места! И кровать особая найдётся». Анюта хотела возразить, но настоять на своём не смогла — внутренние силы как будто ушли в песок... Ладно, будь, что будет, ей же не зла хотят, да и как ещё показать доброе отношение к Алексею... Стали укладываться спать, тётушка повела Анюту в смежную комнату, половину которой занимала белоснежно застеленная широкая кровать. «Вот тебе опочивальня, вся раздевайся и ложись. Считай, ты у себя дома. Если ночью придёт Алёшенька, не пугайся, близкие люди должны друг к дружке привыкать». Последние слова Анюту сильно смущали, она напряглась: не бежать ли, пока не поздно?.. Но дёргаться не стала: Алексей ведь инвалид, ну пусть полежит рядышком, как-нибудь переживу... Ночью, действительно, тётушка привела в спальню Алексея, помогла ему лечь и успокоиться. Анюта слышит её слова: «Алёшенька, обними Анечку, вы же теперь родные...» Тяжёлая беспокойная рука легла на Анютино плечо, и сам он, непрестанно двигаясь, тесно придвинулся к задрожавшей девушке... Тётушка продолжает вкрадчиво распоряжаться: «Анечка, ты же теперь родная, не стесняйся, повернился к Алёшеньке, он тебя так любит!» Тётушкины сильные руки помогли

Анюте развернуться и соединить два молодых трепещущих тела... Анюта не понимала, что происходит, почему тётушкины руки снуют между ног, снуют и снуют! А когда поняла, ей стало омерзительно стыдно. Она перемахнула через Алексея на пол и стала одеваться. Тётушка громко негодовала: «Анечка, ты куда? Это же естественно, это же нормально! Алёшенька тебя так любит!» Анюта судорожно, кое-как натянула на себя платье, долго искала туфли, с трудом нашла и выбежала вон, на улицу...

В общежитии, среди ночи, дежурная на Анюту накричала: «Возвращайся туда, где была!» Но девушка не обиделась — правильно, порядок надо соблюдать. Села на корточки перед входом и заплакала. Увидев её смятенное состояние, дверь всё же открыли. Вошла, как в тумане, и от волнения перепутала комнаты... Наконец, добралась до Ирины, та спросонья отмахнулась, но сразу же вскочила: «Что произошло?» Анюта раздражённо ответила: «Ты от любимого из Ярославля укатила, а я — из Куйбышева!» На лице Ирины ужас: «Ты что, хочешь институт бросить?» — «Не знаю... — Но, к счастью, вспомнила: — Есть же заочное отделение!.. А пока — домой, только домой!»

Вернувшись в свой город, всех порадовала — молодец, добилась своего!.. Молодец-то молодец, а всё лето, со своей тайной, мыкалась, как не-прикаянная. К сентябрю, перед поездкой на учёбу, пришлось под большим секретом открыться маме: «Прости, мамуля... Я сорвалась... Плохо получилось... В общем, у меня будет ребёнок. Ходила к врачу, уже два месяца...» Мама ахнула, нахмурилась, но гневно предупредила: «Не вздумай делать аборт! Что-нибудь вместе придумаем». — «Спасибо, мамуля, ой, спасибо!.. — Анюта обняла маму так горячо, так крепко, как не обнимала никогда. — Ты настоящая мама, моя жизнь, моё спасение... А насчёт остального... Поеду переводиться на заочное...»

О дальнейшем развитии событий можно не рассказывать. Но стоит оценить настойчивость Марии Фёдоровны, которая у входа в институт подкараулила Анюту, стараясь вернуть её к Алексею, и как ловко, с переодеванием, Анюта мимо неё проскальзывала. И ещё стоит рассказать о тяжёлых Анютиных раздумьях: выходит, обманула её сказка об аленьком цветочке? Конечно, младшая дочка купца терпела и жуткий голос, и страшный вид чудища, но настоящей, чистой близости у них не было! Не могла же девушка отдать себя на растерзание зверю. Это потом, когда зверь превратился в прекрасного молодца, у них возникла чистая, непорочная связь! А у Анюты что? Превращение в прекрасного молодца не состоится! Нормальный человек с ненормальностью жить не будет... Алексей, конечно, не чудовище, и Анюта, может быть, смогла бы его полюбить... Он инвалид, и он ни в чём не виноват, и тётушка, как никто, о нём заботится... Получается, Анюта спровоцировала — и с глаз долой!.. Иногда она думала: стоило бы ей Алексею написать, повиниться... Но странное дело — не позволял какой-то глубокий внутренний стыд. Анюта, а потом уже и Анна Николаевна, готова и написать, и встретиться с Алексеем, но в то же время только при одной мысли о порочной ночи, о бессовестных руках тётушки хотелось отвернуться и зарыдать... Она надеялась, что со временем это наваждение пройдёт, но время шло, а гадкое чувство не исчезало...

Не так давно у своего сорокалетнего сына она решила в последний раз спросить, хочет ли он узнать, кто его отец? Алексей Алексеевич, инженер-конструктор завода, засмеявшись, ответил: «Я знаю кто — хороший, достойный человек. Разве не так?» — «Безусловно, так. Но почему ты никогда не спросишь — по какой причине я от него ушла?» — «Понятно, по какой. В чём-то не сошлись! Такое сплошь и рядом. Но я точно знаю: моя мама ни в чём не ошибается. Если ушла, значит, была права». Сын обнял Анну Николаевну, и она серьёзно добавила: «Запомни, мой аленький цветочек! К своему завещанию я приложу одну непростую газету... Если неинтересно тебе, будет интересно твоим детям и внукам. Не пугайся, я умирать не собираюсь. Это на всякий случай». — «Опять

ты о грустном, — улыбнулся Алексей Алексеевич. — Не печалься, мамочка, тебе не идёт. Лучше посмотри, что прислала бабуля из своего сада тебе и внукам!» Анна Николаевна ахнула, увидев полнёхонькую корзину клубники, крупной, отборной, как будто с полей какого-нибудь научно-исследовательского института... «Неужели бабуля вырастила сама?» — удивилась Анна Николаевна, хотя точно знала — конечно же, бабуля, мировой мастер на все руки. Алексей Алексеевич стал с восхищением рассказывать, как бабушкины ловкие, проворные пальцы ныряют, шныряют, действуют в листве, безошибочно срывая ярко-оранжевую ягоду. И тут Анна Николаевна нахмурилась, прервала сына, попросила позвать внучат, отдать им неожиданную вкуснятину...

А вечером по электронной почте написала Ирине в Ярославль: «Я только теперь поняла: чудище всё-таки превратилось в прекрасного молодца! Только не так, как в сказке, в жизни — всё больнее и сложнее. Представляешь, всё, что искала, у меня есть, и теперь я каждый день любуюсь своим алеиньким цветочком...» Ответ пришёл мгновенно: «Завидую! Белой, белой завистью! Береги этот цветочек, он очень нежный и хрупкий, нуждается в большой любви...»

«Берегу! — ответила Анна Николаевна. — Берегу и молюсь...»